

Особенности метафоричности языка Андрея Платонова

В наши дни происходит как бы второе открытие большого мастера советской прозы А.Платонова, и только сейчас начинается жизнь его главных книг. Мы открываем для себя писателя, казалось бы, давно ощутимо присутствующего в нашей литературе, больше того, писателя, без которого литературу эту и представить трудно.

Особенно это касается лингвостилистического аспекта прозы Платонова. Изучение с этой стороны его произведений может внести огромный вклад в развитие современного литературного языка. Наиболее интересен язык Платонова в области лексики и фразеологии, потому что он разнообразно и по-новому сумел использовать богатейшие запасы русской лексики.

Особенно ярко стилевая специфика А.Платонова проявляется в использовании метафоры – самого традиционного художественного средства. Метафоризация пронизывает все повествование «Котлована», она в языке Платонова создает тот необычный мир, который представляет перед нами в платоновском языке.

В повести постоянно используются приемы овеществления переносного значения, столкновения буквального, прямого, исконного, этимологического прямого значения и образно-символического. Игра в наивное сознание, «детский» подход к серьезным вещам, которая приходит в текст через высказывания персонажей (детей и взрослых), затем незаметно сливается с авторской речью.

Можно сказать, что весь языковой строй произведений Платонова глубоко метафоричен, в нем много олицетворений, сравнений, которые соприкасаются с метафоризируемыми понятиями и других видов тропов. Именно они создают ту своеобразную иносказательную форму платоновской речи, о которой мы говорим.

Для иллюстрации метафорической сгущенности языка Платонова приведем пример.

«Профуполномоченный потерял готовность лица и почувствовал свою душу – он всегда ее чувствовал, когда его обижали». (с.123)

Здесь мы видим такие интересные платоновские выражения, как «готовность лица» и «почувствовал свою душу».

В словосочетании «готовность лица» автор соотносит семантический признак готовности как вообще свойства человека с его выражением лица. Этим достигается точное определение чувств героев, их мыслей и действий.

В словосочетании «почувствовал свою душу» автор опять с помощью переноса прямого значения слова «почувствовал» наложением на него добавочного смысла с помощью существительного «душа» создал образ героя, который физически ощущает свою душу. Когда его обижают.

Вот еще один пример:

«Чего стоишь без движения? – сказал он Чиклину. - Ступай сторожить *политические трупы от зажиточного бесчестия*: видишь, как падает *героический брат!*» (с.152)

Здесь мы можем выделить следующие платоновские выражения: «политические трупы», «зажиточное бесчестье» и «героический брат». Для нас существительное «трупы», как обозначение только мертвых людей. Но для эпохи самого автора «политические трупы» обозначало нечто большее. Даже после смерти активисты и выдвиженцы оставались для бюрократического понимания политическими. Отсюда не только трупы, как все смертные, а политические. В платоновском контексте семантический признак определения «политические», обозначающий государственное, партийное отношение, принадлежность к политической системе ассоциируется с понятием «трупы». Словосочетание приобретает особое значение, где-то даже близкое контрастным эпитетам (оксюморонам) по аналогии с «живым трупом», то есть объединяются слова противоположные по значению. Но, исходя от специфики платоновской иронии, это выражение можно применить к живым людям, некоторым персонажам прозы Платонова, которых можно назвать «трупами от политики».

Словосочетание «зажиточное бесчестье» индивидуально-авторское выражение. Автор использует его для характеристики уровня мышления его героев. Для которых бесчестье

олицетворялось, прежде всего, с людьми зажиточными. Это сравнение употреблено Платоновым в широком смысле, в устах его героя оно приобретает символическое, обобщенное значение.

В этом же примере нас интересует сочетание «героический брат». Здесь мы опять замечаем платоновское сравнение, создается впечатление о какой-то жестокой борьбе, в которой этот «героический брат», мужественно сражаясь, погибает, именно «падает».

Следующий пример на платоновскую метафору:

«Муж и жена со страхом совести, скрытой за злобностью лиц, глядели на свидетеля».
(с.127)

В этом примере мы выделяем такие словосочетания, как «страх совести», «злобность лиц».

Сочетание «страх совести» чисто платоновское. Здесь с помощью метафорического образа создается вполне сочетаемое и очень образное выражение, хотя сочетаются разные по семантике слова «страх» и «совесть», ведь «страх» - обозначает испуг человека, боязнь, а «совесть» - обозначает понятие человеческого чувства справедливости, чести, достоинства.

Это выражение связано со своеобразным платоновским пониманием действительности. Однако, если обратиться к этимологии этих слов, можно найти в них нечто общее: это боязнь наказания, стремление следовать какому-то табу, установленным человечеством за длинный период своего существования. И в сознании человека эти два понятия («страх» и «совесть») при всей их непохожести с чисто внешней стороны близки и имеют общие корни.

Совесть – чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом. (Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык 1988 с.605).

Страх – очень сильный испуг, сильная боязнь. (Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык . 1988 с. 630.)

Из приведенных выше примеров мы можем сделать заключение, что все виды тропов у Платонова связаны с каким-либо пластом лексики из ранее рассмотренных. Метафоричность языка Платонова органично вытекает из языкового строя его произведений, их идеи, мастерского использования лексического синтеза языковых средств русского языка.

Вся действительность, изображенная Платоновым в его произведениях, носит подчас символический, переосмысленный характер, несет на себе инотолковательную нагрузку.

Метафора у Платонова тесно связана с «платонизмами», и зачастую метафора уже не воспринимается как метафора, а производит впечатление особой платоновской манеры речи. Где она является постоянным и неотъемлемым элементом повествования, выступает как сравнение или сравнительный оборот.

Точное сравнение вызывает дополнительный образ, рождает различные ассоциации.

«Люди приходят в пивную «парами, как женихи и невесты». Вошев рассмотрел всю девочку, и «как в детстве он глядел на ангела на церковной стене», «люди валились, как порожние штаны; кухня, производя ужин, «шумела, как котельная».

При всей неожиданности таких сравнений, они сохраняют видимые очертания называемых предметов.

Но есть в «Котловане» совершенно аморфные уподобления: «Точно грусть. Стояла мертвая высота над землей», «но чувство грусти, как усталость, прошло по лицу Прущевского» и т. д.

Тут, несомненно, появляется вопрос: а что же здесь сравнивается и с чем? Предмет сравнения как бы утрачен.

Следующий пример:

«Послезавтра опять настала тишина, и ее покрыл еще более тихий мрак».

Здесь мы рассматриваем сочетание «настала тишина». В этом сочетании существительное «тишина» олицетворяет собой какое-то неизвестное, неведомое состояние, которое вдруг настает, это состояние всеохватывающее, всеобъемлющее, знаменующее собой замирание жизни, и тут его покрывает «еще более тихий мрак», который уже символизирует собой какую-то подавленность, мрачность.

Обратим внимание теперь на такой пример:

«Коровы и лошади лежали в усадьбах с разверстыми тлеющими туловищами – долголетний, скопленный под солнцем жар жизни еще выходил из них в воздух, в общее зимнее пространство».

«Долголетний, скопленный под солнцем жар жизни» - очень яркое платоновское выражение. Здесь семантика слова «жар» связана с состоянием тела или среды в горячем, пылающем положении, синтаксически сплавляется со значением слова «жизнь», и образуется сочетание выражающее существование, жизнь живого существа, как жар, который накопился за долгое время и теперь выходит из тела в «общее зимнее пространство».

Выражение «общее зимнее пространство» тоже характерно для платоновского стиля. Здесь происходит сравнение зимы как природного периода с общим пространством, олицетворением собой всей земли.

Проанализировав все эти примеры, можно сделать вывод, что весь языковой строй прозы Платонова глубоко метафоричен.

Метафоричность языка Платонова иносказательная, с глубинной семантикой авторская речь и речь персонажей.

В этом аспекте Платонов особенно неповторим и своеобразен.

Метафора в языке Платонова играет огромную роль, она вместе с лексическим синтетизмом создает тот необычный мир, который предстает пред нами в платоновском языке.

Использованная литература

1. Виноградов В.В.. О языке художественной прозы. – М., 1980.
2. Боков В. Высокое слово Андрея Платонова. Литературная Россия., 1989, № 12.
3. Джанаева Н.Е. Поэтическая семантика в контексте Андрея Платонова. Воронеж. 1989.
4. Платонов А. Воспоминания современников. Материалы к биографии. Сост. Н.Корниенко. М., 1994.
5. А.Платонов «Котлован» (А. Платонов. Живя главной жизнью. М.: «Правда», 1989.
6. Принципы анализа литературного произведения. – М., Изд-во МГУ, 1984.
7. Боровой Л. Язык писателя. М.:1966.
8. Чудакова М.О. Избранные работы. Литература советского прошлого. – М., Языки русской культуры, 2001.
9. Кушелевская К.А. Правда должна быть полной... Литература в школе. 1990. № 2.
10. И.П.Карпов. Н.Н.Старыгина. Открытый урок по литературе (Планы, конспекты, материалы) Пособие для учителей. «Московский лицей» 1999, стр. 328.

* * *